

Лидия Чарская

Вечерние рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.**
Вечерние рассказы / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. –
128 с.

ISBN 978-5-4241-1806-7

Из чаши громко и зловеще закричала сова, и послышался не то вой, не то стон в глубине леса. И хоть был не из робкого десятка юноша Андрей, а сердце его екнуло невольно и от крика филина, и от непонятого жуткого стоны...

ISBN 978-5-4241-1806-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том тридцать четвертый

Для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Вечерние рассказы

Волька

Господа уехали в нынешнем году с дачи рано, оставив открытой дверь террасы, и Волька беспрепятственно проник в дом.

По всем комнатам носились столбы пыли, на полу бумажки от карамелек, остатки от упаковок, куски веревок, какие-то доски и целые вороха рваной газетной бумаги. Впрочем, на глаза восхищенному Вольке попадались и более роскошные вещи в виде порванного резинового мяча, желтой туфельки с детской ножонки и потрепанной книжки с картинками. Крадучись, на цыпочках, заглядывая по пути под кресла и диваны, Волька обошел горницы, быстро и бесшумно подбирая попадавшуюся ему под руки рухлядь, и проник, наконец, в комнату барышни Талечки, в которую никто никогда не допускался, кроме близких родных да еще горничной Феши, производившей в ней уборку.

Часто одиннадцатилетний Волька, гоня поутру барских гусей к пруду, останавливался вровень с окошком барышниной комнаты, поднимался на цыпочки, стараясь заглянуть вовнутрь этого нарядного голубого гнездышка, где жила безвыходно маленькая двенадцатилетняя гимназистка Талечка. Эту Талечку никто никогда не видел в саду или на террасе. Она безвыходно проводила все лето в своей голубенькой комнатке или на балконе, прятаясь под белой маркизой, или же в тенистом палисаднике, примыкавшем к большому саду.

Три гимназиста, братья Талечки, успели крепко подружиться с Волькой, сыном прачки Кузьминичны, исполнявшим несложную роль птичьего пастуха на господском дворе, то есть приглядывавшего за курами, гусями и утками и за это получавшего аккуратно ровно полтора целковых в месяц. Но Талечка точно умышленно пряталась и от Вольки, и от Кузьминичны, и от всего дома на своем крошечном балкончике под белой маркизой.

Знал Волька одно: барышню Талечку баловали напропалую. И приезжая еженедельно, в субботние вечера, под праздник на дачу, сам барин, генерал Градушин, постоянно привозил что-нибудь особенное для Талечки. Правда, баловал барин и троих сыновей — Мишу, Нику и Витю, но Талечка получала вдвое лучшие подарки и гостинцы, нежели братья. Впрочем, те и не сетовали за это на сестру.

Двенадцатилетняя Талечка была калекою. Она ходила на костылях, если можно было только назвать ходьбою ее медленное передвижение из голубой комнаты на балкончик и обратно.

Волька несколько раз всего за лето видел худенькую бледнолицую девочку, сидевшую на балконе или у окна своей горницы. Видел он и те прекрасные вещи, которые привозил генерал своей калеке-дочери.

Роскошные книги, альбомы, фотографический аппарат, граммофон (к последнему долго не мог привыкнуть Волька, пугаясь его «страшенного» голоса, будившего вечернюю тишину), целые ящики конфет и прочие интересные и вкусные вещи — все это уставляло днем крошечный балкончик под белой маркизой, привлекая исключительное внимание Вольки.

Самая комната барышни Талечки представляла для маленького пастушка

целый особенный мирок, целое маленькое царство, куда стремилось его возбужденное любопытством воображение. Гимназисты Миша, Ника и Витя против собственного желания поджигали это Волькино любопытство. Про голубую Талечкину комнатку они рассказывали настоящие чудеса.

Там, оказывается, стоял нарядный мраморный умывальник, выписанный из чужой земли, и туалет, и особенный шкаф с потайными ящиками, и диковинный письменный стол с музыкой и какое-то особенное зеркало, отражающее со всех сторон сразу человеческую фигуру — словом, целая масса интересных и привлекательных вещей.

Но посмотреть эти вещи было никак невозможно, как и не было никакой возможности для бедного пастушка проникнуть в голубую комнату.

Вещи эти со всевозможной осторожностью упаковывались прислугой и в отдельном фургоне привозились весной из города на дачу, с тем чтобы с тою же осторожностью по окончании лета быть снова отправленными обратно, в город.

На вопрос Вольки, обращенный к кому-то из барчуков, почему-де все эти вещи не оставляются на городской квартире, а перевозятся по десяти раз с места на место, Волька помнит это прекрасно, Ника ответил:

— А потому что Талечка никуда не выходит летом из-за своей болезни, и единственное ее удовольствие — иметь все то на даче, что окружает ее в городе. У нас есть все: и рыбная ловля, и игры на воздухе, и лес, и катанье в лодке, и верховая езда, а Таля всю свою жизнь прикована к креслу, как же и не побаловать ее.

Эти слова Волька встретил легкой саркастической усмешкой.

Эка невидаль — больные ноги, подумаешь! Горе какое! Да он, Волька, с восторгом бы за них отдал свои здоровые, быстрые, резвые ноги, лишь бы воспользоваться всеми теми удобствами, удовольствиями и подарками, да сидеть неподвижно, словно кукла, на одном месте, а тебе чтобы все услуживали да юлили перед тобою. Не жизнь, а масленица. А тут работай с утра до ночи: матери дров наколи, воды натаскай, за птицей, ежели лето, присмотри за господской. А зимой в школу беги, а после школы-то опять гонка; белье стираное развесь, а не то разнеси по заказчикам. У них село под самым городом, городских заказчиков много.

Вот и трепи здоровые-то ноги по морозу либо слякоти с корзиной-то на голове взад да вперед: из города — в село, из села — в город. Бог с ним и с здоровьем. Что здоровье без богатства да довольства, на что оно? То ли бы дело вроде барышни Талечки: сидеть на балкончике с книжкой на коленях да сосать конфеты под музыку.

Грамофон-то всякую музыку может — и веселую, и печальную, только заведи. А пройдет кто мимо по двору, направь аппарат, щелкни — вот тебе и занятие! Проявлять-то другие будут, братья ейные снимки заканчивают, а она только любуйся на готовые картинки — чем не жизнь! Быть бы при таком богатстве калекой ему, Вольке, ничего бы лучшего он, кажись, и не пожелал!

Комната барышни Талечки самая последняя на даче.

Волька пробрался до ее порога и замер в дверях. Голубые портьеры сняты, тюлевые занавеси тоже, даже белая с красным обивка — и та сорвана с балкона, и еще по-летнему теплое сентябрьское солнце беспрепятственно проникает в комнату.

Вещи все увезены, кроме хозяйского столика, скромно приткнутого в углу. Волька знает отлично, что на летнее время этот столик покрывают белым тюлем на голубом чехле, с голубыми бантами и оборками из кружев. На него ставят красивое овальное зеркало и называют этот столик туалетом. В окна, если подняться на цыпочки, видны и зеркало, и голубые банты, и вся верхняя часть столика, а сейчас он стоит совсем непривлекательный и убогий на вид.

Волька, ухмыляясь убожеству столика, подошел к нему и выдвинул ящик. Выдвинул — и отшатнулся от неожиданности.

Ящик был полон. Очевидно, господа, собираясь с дачи, позабыли вынуть из него все эти прекрасные вещи.

Здесь находился хорошенький ящик с гребнем, гребенкой и щеткой. Затем бронзовый медвежонок-копилка, тетрадка с розовым пластырем, неначатый кусок мыла, испускающий нежный тонкий аромат, и толстая объемистая не то тетрадь, не то книжечка в красном сафьяновом переплете с металлическими застежками.

Эта книжечка больше всего остального привлекла внимание Вольки. Бойкий смысленный мальчуган очень недурно учился в школе и имел большое тяготение к чтению. Читал Волька прекрасно, как взрослый, несмотря на свои одиннадцать лет.

И сейчас, схватившись обеими руками за красную книжечку, быстро отстегнул застежки и открыл первую страницу. Но это была не книга, нет.

Крупным детским и очень четким почерком на первом листке было выведено: "Летний дневник Татьяны Градушиной".

— Эва! Вот она штука-то! Дневник пишет! Да что она, сидя-то на одном месте, писать может! — протянул удивленным голосом Волька, перевернул первую страницу, и глаза с любопытством забегали по крупно исписанным детской неверной рукой строкам.

15-го мая

Сегодня мы опять переехали на дачу в милое наше Соболево... Как здесь хорошо! На городской квартире, из окон ее, не видно было этого дивного голубого неба! Не было и этой свежей пышной зелени перед окнами. Не видно было и таких далей, как эти. Я сижу целыми днями на моем балкончике, смотрю на окружающую меня природу и думаю: какое счастье должны испытывать те здоровые, крепкие и сильные дети, которые могут бегать по тем полям или кататься по реке, которая сверкает там, между зеленью сада, или уходить в тот лес, что синеет вдаль.

А я? Я могу только любоваться издали на всю эту роскошь. Я калека от рождения; мне недоступны те удовольствия, которыми пользуются мои братья и другие подобные им здоровые дети.

И сегодня, когда все легли спать и мамочка, перекрестив и поцеловав меня нежно-нежно, ушла к себе, я горько долго плакала, уткнувшись в подушку. Боже мой! Чего только не отдала бы я, чтобы быть здоровой и сильной, как другие дети! Но, увы! Это невозможно. Мои больные ноги не поправятся никогда, и думая об этом, я опять проплакала полночи.

16-го мая

Встала сегодня с красными глазами и опухшими веками. Чтобы не огорчать мою милую мамочку, сказала, что у меня всю ночь болела голова. Но мамочка

поняла истинную причину моего расстроенного вида. Я видела, как она писала длинное письмо папе. Я знаю отлично, к чему ведут такие письма. Это значит, что когда папа придет в субботу на воскресную побывку домой (бедный папочка остается все лето в городе, среди духоты и пыли, так как он и летом ходит ежедневно на службу), то он привезет мне из города снова целую массу вкусных вещей и непременно какой-нибудь подарок. Этим он как бы хочет утешить бедную Талю в ее горькой доле. Ах, с каким бы удовольствием я отдала все эти роскошные подарки и сласти за возможность бегать, играть и резвиться на воздухе! Не надо мне ничего: ни этой нарядной комнаты, которую заботливые родные украшают, как маленький дворец какой-нибудь царевны, ни конфет, ни подарков, ни этих изящных платьиц, лишь бы только быть здоровой! Здоровой-здоровой, сильной, крепкой, как другие. Несбыточная мечта!

20-го мая

Сегодня воскресенье. Приехал папочка, привез мне прелестную музыкальную вещицу для граммофона и фотографический аппарат. Добрый, милый папочка! Он возил меня кататься в коляске по окрестностям Соболева. Ах, я не люблю такие прогулки! Все встречные смотрят на меня, точно я какое-то пугало. Одни — с участием, другие — с любопытством. Еще бы! Девочка в 12 лет больная, на костылях. Незавидная участь!

Нет-нет, лучше спрятаться ото всех, запереться в моей голубой комнатке, не выходить дальше балкона! Пусть никто не видит горя и обиды маленькой убогой девочки.

25-го мая

Сегодня мальчики вернулись с реки и принесли мне целый букет речных кувшинок. Как они славно пахли водой, тиной и еще чем-то вкусным-превкусным!

Ника рассказывал, что, купаясь, он упустил в воду полотенце, а Вите клещ впился в пятку. Он испугался сначала, а потом хохотал ужасно! Оказалось, что это не клещ, а просто прилипла какая-то травка. Счастливые мальчуганы!

26-го мая

Вот и здесь, оказывается, в моем голубеньком гнездышке, как его называют папа и мама, я не избавлена от любопытных глаз.

Пастушок Волька, сын прачки Кузьминичны, проходя мимо моих окон, каждый раз останавливается и подолгу, разинув рот, глядит на все те прекрасные вещи, которые разложены и расставлены у меня на балконе и на подоконниках.

И я читаю явную зависть к моим «богатствам» в наивной рожнице этого здорового, рослого крепыша. Глупенький, наивный Волька! Если бы ты знал, как я, в свою очередь, завидую тебе, твоему здоровью, твоим крепким ногам, твоей свободе!

Ты можешь наслаждаться природой, целыми часами проводить в поле, на реке, в лесу. Боже мой! Если бы можно было сделать это, я бы с охотой поменялась моей долей с твоею.

Волька! Волька! Твоя бедность, твои нужды и лишения — ничто в сравнении с моей беспомощностью, слабостью и тем печальным положением, в котором я нахожусь... Не завидуй же мне, глупенький мальчик. И когда ты видишь меня прикован...

Волька не дочитал до конца этой фразы. Шумные возгласы, быстрые шаги и

шуршание накрахмаленных юбок сразу наполнили живыми звуками тишину опустевшей дачи. Тетрадка дневника вывалилась из рук мальчика прежде, нежели раскрасневшаяся от быстрой ходьбы горничная Градушиных, Феша, появилась на пороге Талиной комнаты и затрещала звонким голосом на всю дачу: "Ишь ты где, проказник этакий, примостился! И не слышно его! Скажите на милость! Да никак он, разбойник этакий, в барышнинном туалете рыться изволил! Багюшки светы, и тетрадка на полу! Барышнина тетрадка... Забыли второпях, как укладывались. А ты уж и обрадовался. На вокзале хватились... Гонку задали, сюда меня отправили, а он тут, видите ли, с барышнинными игрушками прохлаждается! Ах ты пострел, пострел этакий, да я тебя!.."

Тут руки Феши довольно недвусмысленно устремились к вихрастой голове Вольки...

Предвидя Фешин маневр, Волька кинулся к окну, вскочил на подоконник, оттуда спрыгнул на землю и через маленький палисадник бросился в поле, а оттуда в лес.

Быстрые ноги резво уносили мальчика, напутствуемого сердитыми криками Феши. Что-то весело дрожало в груди Вольки. Словно какая-то птица билась и трепыхала в ней крыльями. А толстые губы растягивались в беспричинно-радостную улыбку.

Прибежав на опушку, Волька с размаху бросился на зеленый мох и, весь залитый еще теплыми лучами сентябрьского солнца, весело и протяжно крикнул на весь лес.

А недавняя зависть к Талечкиному «богатству» с этого часа навсегда и бесследно исчезла из сердца мальчика.

Первый день

(Бель)

Было восемь часов утра. К небольшому серому особняку, приютившемуся на одной из менее людных улиц Васильевского острова, подкатила извозчичья коляска. Маленькая тонкая фигурка в легкой драповой кофточке с дешевеньким мехом на шее и в старой потертой меховой шапке проворно соскочила с пролетки, отдала деньги вознице и, подхватив в руки тощий, порыжевший от времени, чемодан, легко и быстро вбежав по ступенькам крылечка, позвонила у подъезда.

Прошло довольно много времени, пока эта дверь распахнулась перед вновь прибывшей, и морщинистая физиономия старого слуги, одетого в довольно-таки сомнительный фрак, показалась на пороге.

— Вам кого? — недружелюбно глянув на маленькую особу, осведомился тот.

— Мне?... — маленькая особа удивленно вскинула на вопрошавшего глаза сквозь черную вуалетку и произнесла смущенно: — Мне, собственно, никого, я приехала поступать сюда на место.

— Стало быть, гувернантка будете! Извините, не признал, барышня — и вмиг за минуту до этого неприязненное лицо старика приняло доброе, ласковое выражение. — Пожалуйста, пожалуйста, барышня, небось, на дворе-то холодно нынче, застудились, поди, а у меня камин в передней топится. Пожалуйста погреться, а я тем временем вам кофе сварю. Кстати, и за вещичками пошлю дворника на машине.

